

Степан (18), Савин (5), Иван (3), Ефимья (16) и Екатерина (9 лет). К этому времени своей семьей обзавелся из сыновей только Егор: жене его, Мариамне Максимовне, было 35 лет, и жили с ними четверо детей — Михаил (8), Екатерина (11), Прасковья (4) и Ирина (1). Здесь же проживал 20-летний племянник хозяев Дмитрий с женой Вассой Васильевной и сыном Петром. Кроме того, хозяева давали приют подворнику Осипу Ивановичу Осинцеву (32 года) с женой Меланьей Андреевной (27 лет), братом Федотом (23 года) и сестрами Евдокией (37 лет) и Марфой (28).

Изучение исповедных росписей за разные годы позволяет проследить динамику демографических процессов, изменения, происходившие в структуре семьи, появление новых деревень и сел, рост или уменьшение количества их жителей, распространение коренных и появление новых фамилий и т.д. Но особый интерес этот вид источников представляет для тех, кто воспринимает историю как смену поколений, для кого история предков, своего рода, семьи неотделима от истории родного края, "малой родины" — а значит, и нашей общей большой родины — России.

¹ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 432. В Гос. архиве Свердловской области, кроме фонда 6 (Екатеринбургское духовное управление), исповедные росписи XIX — нач. XX вв. встречаются в фондах отдельных приходских церквей.

Корнилов Г.Е. (Екатеринбург)

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

При варварском отношении к человеку сталинская система разработала такую идеологию, в основе которой были мечты человечества о счастье. Социалистическая идеология, провозгласившая создание братства людей труда, не могла не вызвать массового энтузиазма, а равенство в бедности и страданиях в военные годы — не создать огромного потенциала народной энергии. Люди добровольно и с энтузиазмом шли на лишения, искренне веруя, что именно это необходимо для победы над врагом, для счастья и светлого будущего. Эксплуатируя эту привлекательность социалистической идеологии, используя репрессивный и пропагандистский аппараты, сталинская система сумела превратить страну в единый военный лагерь, сделать монолитным советское общество.

Новым аспектом идеологических изменений в годы войны было сближение с Русской православной церковью. Когда проявилось единство народа, его единение с властями, церковь поддержала патриотическую позицию в борьбе с фашизмом. Цель данной статьи —

проанализировать эту новую для отечественной историографии проблему, привлекая закрытый ранее документальный материал.

Давление властей на церковь проявилось в появлении Декларации митрополита Сергия в июле 1927 г. В ней было заявлено, что "церковные деятели не с врагами нашего советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и нашим Правительством... Мы хотим быть православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза не только из страха, но и по совести"¹. Русская православная церковь заявила о лояльном сотрудничестве с властями на основе полного признания политики в религиозном вопросе. В мае 1931 г. ВЦИК СССР принял "Положение о Постоянной Центральной и местных комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов". Комиссии по религиозным делам при облисполкомах и СНК автономных республик, существовавшие до ноября 1938 г., поставили под контроль религиозные действия населения, несмотря на то, что по Конституции СССР 5 декабря 1936 г. провозглашалась свобода совести.

Тоталитарная сталинская система низводила человека до роли "винтика", проявляла грубое пренебрежение к его интересам и потребностям. Независимо от объявленной лояльности церковнослужителей к властям, ликвидация церквей, репрессии против духовенства, масштабная антирелигиозная пропаганда в 30-е гг. усиливались. В Свердловской области количество культовых зданий сократилось к концу 30-х гг. в три раза². В Молотовской (ныне Пермской) области до революции 1917 г. было 1003 православных молитвенных зданий, из них 630 церквей, 405 часовень и 8 монастырей. К 1940 г. на 56 районах области приходилось 25 действующих церквей, а в 41 районе их не осталось. Закрытые церкви использовались под школы, избы-читальни, клубы, кинотеатры, для хозяйственных нужд — под зернохранилища, столовые, магазины, мастерские, склады, общежития, военные казармы... К 1947 г. на Урале (пять областей и две автономные республики) количество действующих церквей и молитвенных домов составило 238, а священников и диаконов — 418³.

Сломленное голодом и террором население страны смирилось с утвердившейся системой как с чем-то неизбежным. Это "приспособление" проявилось и в том, что число верующих по-прежнему оставалось значительным. По Всесоюзной переписи населения 1937 г., единственный раз зафиксировавшей отношение к религии, из 98,4 млн чел. в возрасте 16 лет и старше неверующими считали себя 42,2 млн чел. (42,9%), а верующими — 56,2 млн (57,1%), верующих православных христиан среди них было 41,6 млн (74% от всех верующих в СССР).

Относительно большее число верующих было среди женщин и особенно среди сельского населения⁴. Материалы переписи свидетельствовали о традиционной верности христианской вере. Русское православие связывалось в сознании населения с национальной российской историей, освещало трудовую деятельность, пронизывало быт, переплеталось с моралью и нравственностью, несло идеологическую функцию, то есть определяло все основные сферы жизни.

Духовный глава церкви патриарший местоблюститель митрополит Московский и Коломенский Сергей в первый день войны дал направление всей патриотической деятельности духовенства в своем послании "К пастырям и верующим": "Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собою, своим здоровьем и выгодой ради Родины... Нам, пастырям церкви, в то время, когда Отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией... Положим же душу своя вместе с нашей паствой"⁵. 26 июня 1941 г. он отслужил молебен в кафедральном Богоявленском соборе в Москве: "...Мрачная и дикая стихия окружает страну, родина наша в опасности и она созывает нас. Все в ряды, все на защиту родной земли, ее исторических святынь, ее независимости от чужестранного порабощения". Аналогичные молебны при огромном стечении молящихся прошли в Ленинграде, Одессе, Новосибирске, Казани, Куйбышеве, Уфе и других городах⁶.

Руководители церкви неоднократно в годы войны обращались к верующим с посланиями. Все они были проникнуты одним духом — духом любви к страждущему Отечеству, призывом к его защите, к помощи нашим доблестным защитникам. Архиепископ Ижевский Иоанн (Братолюбов, с 1945 г. архиепископ Уфимский и Башкирский) писал в послании: "Любовь и сердечное сострадание не знают границ для самопожертвований; всеми силами постараемся облегчить подвиг наших воинов усиленным трудом и жертвами от любящего сердца, повышением работы на полях, заводах, помощью семьям пострадавших от немецкого нашествия, семьям наших доблестных защитников; явим дружное сотрудничество фронту в подвиге защиты Родины"⁷.

Патриотическая деятельность церкви нашла свое выражение не только в посланиях, церковных проповедях, но и в сборе пожертвований на строительство танков, самолетов, на помощь больным, раненым, инвалидам, сиротам войны. В декабре 1942 г. митрополит Московский и Коломенский Сергей в особом послании к верующим призвал их организовать сбор средств на постройку танковой колонны имени Дмитрия Донского. "Повторим же от лица нашей православной церкви пример Преподобного Сергия Радонежского, — говорилось в

послании, — и пошлем нашей армии на предстоящий решающий бой, вместе с нашими молитвами и богослужением, вещественное показание нашего участия в общем подвиге: создадим на наши церковные пожертвования колонну танков имени Дмитрия Донского... Нам же даст всем утешительное сознание, что и мы не остаемся в стороне, что и мы по нашей силе и способности участвуем в святом деле спасения родины”⁸.

Священник Шубинского прихода Кунгурского района Молотовской области А.А.Троицкий внес 100 тыс. руб. личных сбережений на строительство военной техники и 80 тыс. руб. в фонд обороны⁹. Протоиерей Ново-Кладбищенской церкви г.Молотова И.А.Караваяев обратился к верующим с призывом о пожертвовании на оборону страны, на колонну Дмитрия Донского, на содержание инвалидов и сирот войны. Верующие прихода откликнулись. Церковь внесла 302,4 тыс. руб. на строительство танковой колонны, 582 тыс. — на подарки бойцам и в фонд обороны. А всего с 1942 г. и до конца войны прихожане церкви собирали и жертвовали 2796,3 тыс. руб. Церковь села Заборного Краснокамского района (настоятель С.П.Жаков) внесла на оборону 139 тыс. руб., церковь города Лысьва (священник В.М.Лычников) — 139 тыс. руб., церковь села Гамово Верхнемурлинского района (настоятель К.В. Левицкий) — 68,9 тыс. руб.¹⁰

Ко дню юбилея Красной Армии на танковую колонну “Дмитрий Донской” от духовенства и верующих было передано 6 млн руб. и кроме того большое количество золотых и серебряных вещей. А всего на танковую колонну было собрано 8 млн руб. За время войны церквями Советского Союза было передано в фонд обороны более 300 млн руб. деньгами¹¹.

4 сентября 1943 г. в Кремле произошла встреча Сталина с митрополитом Московским и Коломенским Сергием, митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием и экзархом Украины Киевским и Галицким митрополитом Николаем¹². Встреча засвидетельствовала поворотный момент в отношениях властей с церковью. Советское государство признало церковь как социальный институт, реально действующий, оказывающий заметное влияние на граждан и пользующийся их поддержкой. В условиях войны резко выросло число верующих (в народе говорили: “Чем больше беда, тем ближе Бог”, “Кто в беду Бога не маливал?”, “Где беда, там и Бог”), обострилась потребность в удовлетворении религиозных чувств, в отправлении религиозных обрядов и праздников.

8 сентября 1943 г. в Москве состоялся Собор епископов православной церкви, который избрал митрополита Сергия патриархом Московским и всея Руси, а также Священный Синод из 6 архиереев. На вопрос корреспондента, чем вызван созыв Собора епископов в военное

время, митрополит Сергей ответил: "Характером деятельности нашей церкви в дни войны. В минуту опасности, когда весь советский народ объединился без различия положения, в одном стремлении к победе, церковь не могла остаться и не осталась в стороне, она возглавила патриотическое движение среди верующих и направила все их усилия на помощь родному воинству. Это значительно расширило деятельность нашей церкви среди верующих"¹³.

15 мая 1944 г. на 78-м году жизни патриарх Сергей скончался. 21—23 ноября 1944 г. в Москве заседал Архиерейский Собор Русской православной церкви, 39 епископов решили созвать Поместный собор. 31 января 1945 г. Поместный собор с участием епископов и представителей от клира и мирян каждой епархии избрал митрополита Алексия патриархом Московским и всея Руси. Собор принял обращение "К христианам всего мира", утвердил "Положение об управлении Русской православной церкви". В обращении Собора к духовенству и верующим говорилось, что "Поместный собор с утешением отмечает тот огромный порыв самоотверженности и духовной сплоченности, которые так явно проявились в переживаемое время напряженной борьбы всех без изъятия сынов нашей родины с лютым врагом — германскими фашистами"¹⁴. 4 февраля 1945 г. в Богоявленском кафедральном соборе состоялась интронизация патриарха Алексия.

Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий особую популярность приобрел во время войны. Он не покинул своего поста в осажденном Ленинграде, провел там 900-дневную блокаду, его доброе слово духовного пастыря служило поддержкой и утешением верующим ленинградцам в самый тяжелый период невиданных человеческих страданий. Патриарх Алексий успех русского народа объяснял нравственными причинами. 10 августа 1941 г. он говорил: "Как во времена Дмитрия Донского, св. Александра Невского, как в эпоху борьбы русского народа с Наполеоном, не только патриотизму русских людей обязана была победа русского народа, но и его глубокой вере в помощь Божию правому делу; как и тогда, и русское воинство и весь русский народ осенял покров Взбранной Воеводы, Матери Божьей, и сопутствовало благословение угодников Божьих, — так и теперь, мы веруем, вся небесная рать с нами. Не за какие-нибудь наши заслуги перед Богом достойны мы этой небесной помощи, но за те подвиги, за то страдание, какие несет каждый русский патриот в своем сердце за любимую мать — Родину". В послании псковичам и новгородцам в декабре 1943 г. он писал: "Вера — это великая сила не только в личной, отдельной жизни каждого из нас, но и в жизни целого общества и народа... и наш долг, особенно в минуты тяжелых испытаний и искушений, всеми силами поддержать ее в себе и хранить ее в наших сердцах и умах, как оружие,

непоколебимое никакими человеческими средствами”¹⁵. Руководимая им Ленинградская епархия внесла в Фонд обороны 3182,1 тыс. руб. деньгами, на танковую колонну им. Дмитрия Донского еще 500 тыс. руб. Решением Президиума Верховного Совета СССР митрополит Алексей был награжден медалью “За оборону Ленинграда”¹⁶. В патриаршем послании Алексей отметил: “По данной мне благодати призываю зиждительное благословение Божие на великий Союз наш, на всю святую Родину нашу, на мудрых строителей государственной жизни и руководителей народов наших, на все наше доблестное воинство с Верховным Вождем его во главе, и молю Господа всем и каждому в народе нашем подать Свою небесную помощь, защиту, благословение, утешение и мир”¹⁷.

В октябре 1943 г. при СНК СССР был создан Совет по делам Русской православной церкви, который возглавил Г.Г.Карпов. 28 ноября 1943 г. СНК СССР принял постановление “О порядке открытия церквей” (№ 1325)¹⁸. Несмотря на заявление Карпова о том, что Совет “...ни в коей мере не вмешивается во внутреннюю жизнь церкви”, а “способствует дальнейшей нормализации отношений между церковью и государством, наблюдая за правильным и своевременным проведением в жизнь законов и постановлений правительства, относящихся к Православной русской церкви”¹⁹, ряд документов свидетельствует о постоянном вмешательстве Совета в церковные дела. Возвратившись из командировки в г.Чкалов (ныне Оренбург), член Совета по делам Русской православной церкви Г.Уткин писал в отчете: “Для упорядочения жизни общины и направления деятельности по нормальному руслу необходимо: 1) протоиерея Архангельского перевести из Чкалова в другую епархию; 2) епископу Мануилу разъяснить его ошибки и помочь их устранить; 3) в области в ближайшее время открыть несколько церквей (3—5) для удовлетворения настойчивых ходатайств верующих, это приведет к укреплению авторитета епископа; 4) помочь епископу в деле подбора людей заведования хозяйством церкви, которым он доверяет, с одной стороны, и, с другой, таких, которые у верующих также пользуются доверием и уважением”²⁰.

С начала 1944 г. в местные органы власти хлынул мощный поток с просьбами об открытии церквей и молебных домов. Запросы об открытии церквей содержат информацию о местах проживания верующих, на каком расстоянии и где располагалась ближайшая действующая церковь, был ли в данном населенном пункте храм, когда он был закрыт, кому передан, как использовался. Открытие церквей было обставлено многими условиями. Уполномоченный совета лично выяснял у лиц, подавших заявление, действительно ли имелись налицо 20 или более совершеннолетних, не лишенных по суду избирательных прав, граждан из числа местных жителей, добровольно желавших

объединиться для совершения религиозных обрядов православного вероисповедания и получить для этой цели в свое пользование церковь²¹.

Усинский райисполком Пермской области по заявлению верующих в качестве отказа записал: "По Тыловайскому сельсовету имеется 226 хозяйств с населением 820 чел., таким образом группа верующих в количестве 39 человек не отражает интересы большинства населения сельсовета в вопросе открытия церкви". А в решении Кишертского райисполкома об открытии церкви в селе Барда было записано: "а)удовлетворить ходатайство церковного совета Бардинского прихода и разрешить открытие церкви для совершения богообслуживания; б)обязать церковный совет производить все совершаемые церковные обряды в соответствии правил, установленных для совершения святейшим синодом." Когда райисполкому разъяснили, что вопрос об открытии церкви решается Советом по делам Русской православной церкви при СНК СССР, то райисполком пересмотрел свое решение и отказал верующим в их ходатайстве²².

Положение церквей на местах в условиях войны было очень тяжелым. Священники жаловались на высокое обложение налогами. Настоятель кладбищенской церкви г.Молотова А.Осипов сообщал, что финансовый отдел взимал 75% его дохода, при исчислении налогов рассчитывались приносимые продукты по рыночной цене, не учитывая при этом, что значительная часть продуктов или малоценна, или негодна к употреблению, загрязнена, пахнет покойником и т.п. При этом он добавлял, что, так как страна переживает тяжелое время и всем живется не легко, то он мирится с этим положением, что вопрос стоит так: лишь бы прокормиться²³.

Анализ 45 запросов верующих Свердловской области показал, что во всех случаях, кроме пяти, в открытии церквей было отказано. Основными причинами отказа были: 1) церковное здание занято и возможности его освобождения нет; 2) отсутствие священнослужителей; 3) невозможность реставрации зданий из-за отсутствия у верующих средств и др. Заявления верующих тщательно проверялись. Те, кто ставил подпись в запросах, должны были ее подтвердить, и многие, опасаясь гонений, отказывались. Из этого делался вывод, что необходимого количества заявителей не набиралось и основания для открытия церкви нет²⁴.

За годы войны, как сообщил в августе 1945 г. патриарху Алексию председатель Совета по делам Русской православной церкви Карпов, был вновь открыт 531 храм²⁵. В 1917 г. в России было более 80 тыс. храмов²⁶. К концу 1947 г. в РСФСР общее число действующих достигло 2350, а молитвенных домов — 258, насчитывалось 3187 священников и 490 диаконов²⁷. Несмотря на явный поворот в отношениях церкви с государством, ее патриотическую позицию в годы Великой Отечествен-

ной войны, не было необходимых условий для удовлетворения верующими их религиозных потребностей.

- ¹ Известия, 1927. 19 августа.
- ² Музафарова Н.И. Партийное руководство атеистическим воспитанием трудящихся на Урале в годы социалистического строительства (1917—1937). Иркутск, 1987. С. 138.
- ³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 65; Д. 62. Л. 5—7.
- ⁴ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 106—115.
- ⁵ Журнал Московской патриархии. 1945. № 2. С. 40.
- ⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 47. Л. 22—23.
- ⁷ Журнал Московской патриархии. 1945. № 2. С. 41.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 47. Л. 28.
- ⁹ Известия. 1942. 29 декабря.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 53. Л. 69.
- ¹¹ Известия. 1943. 25 февраля; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 47. Л. 29.
- ¹² Известия. 1943. 5 сентября.
- ¹³ Там же. 9 сентября.
- ¹⁴ Журнал Московской патриархии. 1945. № 2. С. 4; Известия. 1945. 3, 4 февраля.
- ¹⁵ Журнал Московской патриархии. 1945. № 2. С. 97—98.
- ¹⁶ Известия. 1943. 15 января, 16 октября.
- ¹⁷ Журнал Московской патриархии. 1945. № 2. С. 6.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 17.
- ¹⁹ Известия. 1945. 4 февраля.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 35. Л. 68.
- ²¹ Там же. Д. 2. Л. 17.
- ²² Там же. Л. 68, 69.
- ²³ Там же. Л. 72, 73.
- ²⁴ Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 197—198.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 33. Л. 27.
- ²⁶ Вопросы истории. 1993. № 8. С. 54.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 62. Л. 5—7.

Сперанский А.В. (Екатеринбург)

ЦЕРКОВЬ И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЙ В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Вторая половина Великой Отечественной войны стала периодом значительного усиления религиозной активности в уральском регионе. Это объяснялось, в первую очередь, изменением политики государства, признавшего Церковь как социальный институт, оказывающий заметное влияние на патриотическое воспитание населения, и давшего Православии возможность легального существования. Однако немаловажную роль в широком распространении религиозных настроений сыграли и сохранившиеся в душах большого количества граждан христианско-православные традиции, веками утверждавшиеся в народном сознании. Загнанные репрессиями 1920—30-х годов, казалось,